

Н.С.Жұмағұлова

Қазақстан ғылыми дискурсындағы тілдік тұлға мәселесі

Мақала Қазақстанның ғылыми дискурсына арналған, бұнда тілдік тұлға мәселелері қойылған. Аталған мәселе Ресей лингвистикасында кеңінен қарастырылған, бірақ отандық тіл білімінде бұл бағыт жаңа бастау алып жатыр. Автор тілдік тұлғаны игеруге арналған бірнеше отандық диссертациялар мен ғылыми басылымдарды талдайды. Қазақстанның полилингвалды кеңістігінде тілдік тұлғаны игеру қазіргі жоғарғы білікті маманды даярлауға байланысты мәселелерді шешу үшін өте маңызды.

N.S.Zhumagulova

The problem of linguistic personality in the scientific discourse of Kazakhstan

This article is devoted to the analysis of the problem of the linguistic personality in the scientific discourse of Kazakhstan. The given problem is studied deeply enough in Russian linguistics whereas the investigation of this issue in Kazakhstani linguistics is now at an early stage of its development. The author analyzes several dissertations and scientific papers dedicated to the study of the linguistic personality published in Kazakhstan. The study of the linguistic personality in polylingual Kazakhstan appears to be very important today for solving the problem of training highly skilled specialists meeting the demands of the modern society.

УДК 811.512.122:811.161.1

А.К.Мырзашова

Казахско-русский международный университет, Актөбе

Зооморфные признаки интеллектуальной концептосферы казахов и русских

Исследование посвящено анализу зооморфных образов, нашедших отражение в интеллектуальной концептосфере человека. Этнокультурные особенности зооморфных образов определены посредством лингвокогнитологического исследования.

Ключевые слова: интеллектуальная концептосфера, казахи, русские, мировосприятие, культурный код, зооморфный код культуры, культурное пространство, ценностная картина мира, зооморфный образ.

В современных фразеологических исследованиях наблюдается формирование научного интереса к духовной, в частности, когнитивной сфере человека и ее отражению в языковом сознании. Интерес к средствам и способам репрезентации интеллектуальной концептосферы обуславливается предметом и методологией исследования, поскольку когнитивными методами изучается сама когнитивная деятельность человека. «Обращение лингвистики к сознанию носителя языка, т.е. включение в исследовательский процесс «языковой личности», — как справедливо отмечает Ю.Н.Караулов, — это не дань моде, а насущная необходимость, которая диктуется общенаучной тенденцией к учету сознания наблюдателя...» [1].

Описание фразеологии, являющейся наиболее самобытной и культурно маркированной системой языка, позволяет выявить особенности мировидения носителя языка, отражающиеся в различных кодах культуры. Мировосприятие, как правило, репрезентируется в языке и задается языком, следовательно, оно антропоцентрично в своей сути. Немаловажно отметить, что вербальное воплощение культурных кодов в основном детерминировано этнической культурой.

Номинации определенных культурных кодов в каждом этническом сообществе обретают культурно значимые смыслы, которые могут быть лакунарными для носителей другой лингвокультурной информации. Вместе с тем культурно значимые смыслы, о которых идет речь, не всегда могут быть осознаны и самими носителями данного языка, т.е. тогда мы имеем дело с «внутренними» лакунами, имеющими место в определенном языковом сознании.

В этой связи представляется интересным изучение интеллектуальных способностей человека, специфики их характеристики через зооморфный код культуры, несмотря на то, что интеллект как

особый феномен человеческой сущности, имеющий универсальный, общечеловеческий характер, находит своеобразное отражение во фразеологическом моделировании мира. Это проявляется в избирательности конкретных образных средств и различных объектов окружающего мира, представляющих собой определенную систему кодов культуры.

Вербальные средства зооморфного кода культуры представляются особенно интересными с точки зрения их употребления в репрезентации интеллекта человека, поскольку это наиболее отдаленные друг от друга реалии человеческого бытия. Однако следует отметить, что мифологическое, философское, культурное мировоззрение человека строилось на практическом опыте восприятия и познания мира, а это значит, что быт, животный и растительный мир, окружающие человека, представляли для него некую призму познания мира. Поэтому, изучая лингвокультурный смысл определенного фрагмента действительности, целесообразно обратиться к мифологии, философии и традиционной культуре данного этноса.

Настоящее исследование следует рассматривать как фрагмент лингвокогнитологического анализа интеллектуальной концептосферы, которое также фиксирует образные модели интеллектуальной деятельности через зооморфный код культуры казахов и русских. Научно доказано, что концептосферы разных народов существенно различаются как по составу, так и по структурной организации. Мы поддерживаем толкование о национальной специфике концептосферы, которая находит свое отражение и в национальной специфике семантических пространств языков [2; 63].

В традиционном мировоззрении казахов, которое отражено в богатом материале казахского фольклора — эпосе, эпических песнях, легендах, сказках, пословицах и поговорках, наблюдается особое отношение к интеллекту человека, человеку с умом, с головой. Среди них огромное количество фольклорных текстов, посвященных уму и глупости: ум всегда почитался, а глупость высмеивалась. Казахское сознание соотносит ум с хитростью, ловкостью, силой, резвостью, красноречием, скромностью. В миропонимании казахов *ақыл/ум* уподобляется *дару божьему (құдайдың сыйы)*. Если всевышний милостлив к человеку, то он одаривает, наделяет его умом с рождения, если нет — в наказание он отбирает этот дар, т.е. ум, сравните: *адамды құдай адастырарда ақылынан айырады — когда бог захочет наказать человека, он его разума лишает; адам туа жаман емес, жүре жаман — дураками не рождаются, ими потом становятся*.

Интересно сравнить, что и в русском понимании *недалекий, глуповатый человек* ассоциируется с человеком, которого *обидел бог — бог обидел (фразеологизм, устар.)*. В пословичном фонде русского языка обнаруживаем, так же как и в казахском языке, что ум — дар божий: *всякая мудрость от бога, начало премудрости — страх божий; разум — душе во спасенье, богу на славу; отыми, господи, руки, ноги, да опокни разум!* и т.д. Русское сознание склонно к толкованию ума как средства, силы, нечто бесценного, бескрайнего, не подлежащего измерению, высшего достоинства человека, например: *умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит; был бы ум, будет и рубль; ум за морем не купишь, коли его дома нет; в уме концов не выровняешь; на всякую дурость ум найдется* и т.д. Образ ума, умного человека моделируется также через такие стереотипные представления: ум — мучение, много ума — много проблем, ум должен быть свой: жить чужим умом — плохо, например: *брат он мой, а ум у него свой; чужим умом в люди не выйдешь; от великого разума с ума сошел; с умом жить — мучиться, а без ума жить — тешишься; и от ума сходят с ума; и от лишня ума сухота; без ума житье — рай* и т.д.

В русском языковом сознании *голова* выступает как особый орган, служащий для осуществления когнитивной деятельности, которая определяет его когнитивную способность, следовательно, человеческую суть, его интеллектуальное и духовное начало. Образ умного, сообразительного человека в русской языковой картине мира моделируется, например, фразеологизмами типа: *с головой, с царем в голове, иметь голову на плечах, золотая голова, голова варит, голова на месте, семи пядей во лбу, ума палата* и т.д.

Наличие ақыл/ума или его *отсутствие* являются важными признаками характеристики как внутреннего, так и внешнего человека, т.е. его внутреннего/духовного и внешнего миров. Так, человек с умом, умный человек, мудрец в представлении казахов — это *образ доброго* (в значении хорошего), *лояльного, толерантного, уступчивого, скромного, авторитетного, остроумного, красноречивого, сильного, приятной внешности человека*. Данные выводы получены на основе наблюдений и анализа пословично-поговорочных текстов, фразеологизмов и живой речи казахов старшего поколения. Сравните: *ақылды көндім десе, ақымақ жеңдім дейді — умный уступает, а дурень считает, что он победил; ақымақтың ақылы білегінде, ақылдының ақылы жүрегінде — глупого ум — в кулаке, мудрого ум — в сердце; ақылы асқанды аға тұт — всякого умного как брата*

родного почитай; *ақылдың сөзі қысқа, айта қалса — нұсқа* — умнога речь коротка, да каждое слово поучительно; *омыртқасы түзу жігіт* (букв.: джигит с ровным, прямым позвоночником) 'умный, сообразительный, знающий, видный джигит' и мн.др.

В связи с целями настоящего исследования мы не описываем все типологические особенности номинативных полей интеллектуальной концептосферы казахов и русских, а приводим общие представления об интеллекте. Из сказанного выше становятся понятными представления об интеллекте человека в целом. Следовательно, целесообразным представляется обращение к лингвокультурным источникам толкования зооморфных образов, выявленных нами на материале фразеологии, номинирующей интеллектуальные способности человека и пословичных текстов.

Так, для характеристики интеллектуальных способностей, которые ввиду их наличия или отсутствия обретают положительную или отрицательную коннотацию, в казахском языке (во фразеологии и пословичном фонде) употребляются такие зооморфные образы, как: *ат* (лошадь), *түйе* (верблюд), *есек* (осел), *қой* (овца), *ешкі* (коза), *шошқа* (свинья), *ит* (собака), *қасқыр* (волк). Следует обратить внимание, что данные зооморфные наименования употребляются в основном для характеристики глупца, тугодума, бестолочи, ротозея, т.е. человека, не отличающегося интеллектом, с глупым поведением, совершающего глупые поступки.

Прежде чем перейти к детальному описанию образных языковых средств, основание которых (частично или в целом) включает в себя зооморфный код культуры, следует обратить внимание на наличие того факта, что для казаха, который занимался скотоводством (и это было основным источником жизни: пища, домашняя утварь, одежда), были хорошо известны все повадки, «характер», свойства домашних животных; эти «примитивные» знания всегда присутствовали в его наивной картине мира и использовались им в метафоризации познаваемых объектов мира.

Как известно из историко-культурологических фактов, основными видами скота у кочевников были *лошадь, овца, верблюд*, т.е. наиболее приспособленные для дальних перекочевков. Коневодство было одним из важнейших направлений скотоводства, овцы же — основным видом домашних животных [1; 42–43].

Наиболее распространенные виды жанра казахского фольклора также были вызваны к жизни спецификой кочевого быта. Так, особое место в устном народном творчестве казахов занимают бытовые пастушеские песни о четырех видах скота: верблюдах, лошадях, овцах, коровах; сказки и легенды про животных. В казахской мифологии имеют место такие традиционные поверья, в которых отражена вера в существование живой души окружающего мира, т.е. и небо, и земля, и все природные явления имеют душу, своего покровителя (святого «киелер») или ими управляет злой дух («кесірлер»), букв.: *вред, препятствие*). Как гласит традиционное поверье, и у животных (төрт түлік — все виды скота) есть свои святые духи-покровители: *қой киесі — Шопаната* (букв.: *святой овцы — Шопаната* (шопан — чабан, ата — дед, прадед, предок, старец), *жылқы киесі — Қамбарата* (букв.: *святой лошади — Камбарата*), *түйенің киесі — Ойсылқара* (букв.: *святой верблюда — Ойсылқара*), *сырдың киесі — Зеңгібаба* (букв.: *святой коровы — Зенгибаба* (баба — святой, предок), *ешкінің киесі — Шекшеката* (букв.: *святой козы — Шекшеката*) [3; 373].

В казахском культурном пространстве обнаруживаем феномен *төрт түлік* (под которым понимается *мал* — скот, домашние животные) букв.: *четыре вида скота*, подразумевающее в частности, — *жылқы* (лошадь), *түйе* (верблюд), *қой* (овца), *сыр* (корова). Корову держала только та часть населения, которая вела оседлый образ жизни — юг Казахстана. Казахи никогда не позволяли плохо обращаться с животными, не только ввиду того, что они представляли основной источник жизни, но и ввиду сакрального отношения к животным как к живым существам, как «подопечным» святых, напрмер, в речи казахов можно часто услышать «*малға обал болады*» или «*обалы тиеді*», т.е. в значении *нельзя обижать, плохо относиться к животным, иначе тебя постигнет кара, будешь наказанным за это*, здесь прослеживается стереотипное представление «не обижай, не бей слабых, беспомощных, зависящих от тебя существ».

Для казаха-кочевника домашние животные были единственными существами, которые «переживали» с ним трудные времена — непогоду, джут; если накормлен и цел скот, то накормлена и спокойна семья; появление на свет детенышей животных было настоящим праздником для семьи и т.д. Приветствуя друг-друга, казахи произносят «*Мал-жан аман ба?*» (букв.: *здоровы ли скот и души, т.е. люди*), что означает: *все ли в порядке, благополучны ли скот и семья (члены семьи)*. Данное коммуникативное поведение объясняется приведенными выше факторами, сводится к одному: *благополучие семьи зависит от благополучия скота*.

Отсюда у казахов ярко выраженное анимистическое мировосприятие, олицетворяющее животных, трепетное отношение к домашним животным, широкие анатомические и ветеринарные знания. Особое отношение к животному миру казахи запечатлели во всех жанрах народного фольклора и языке.

В ценностной картине мира казахов особое место занимает *төрт түлік* (домашний скот). Среди них как самые благородные вида скота ценятся *жылқы* (лошадь) и *түйе* (верблюд), которые сохранили свою значимость и до сегодняшних дней: конина, кумыс (молоко кобылы), шубат (молоко верблюдицы) считаются очень целебными традиционными деликатесом и напитками. Кроме того, и лошадь, и верблюд служат живым транспортом. Лошадь — гордость каждого джигита, мужчины-хозяина, ее дарят самому почетному, высокоуважаемому или близкому человеку, готовят к скачкам и другим национальным видам спорта и игр.

Ценностная роль животного мира очень точно и образно отражена в языковом сознании казахов: **кун** (каз. *құн* — цена, плата) **мужчины стоит 100 лошадей, а слова — 1000 лошадей; лишь прыть коня и ум жены, прославить молодца вольны; первое богатство — здоровье, второе богатство — белый платок (т.е. жена), третье богатство — пять овец (т.е. скот); что ни навьючишь на осла, в верблюда он не превратится, какой корова б ни была, она не станет кобылицей** и мн. др.

В рассматриваемом нами фрагменте действительности, т.е. интеллектуальной концептосфере, также отражается широкое употребление зооморфных образов, соотносимых в основном с образом умного или глупого человека. Иначе говоря, средства зооморфного кода культуры употребляются в моделировании образа умного или глупого человека, т.е. через олицетворение животного образа создается метафорический образ человека. Зооморфные образы не используются в описании других интеллектуальных действий (например, *памяти, мышления, знания*), только применительно к характеристике умственных способностей человека с положительной или отрицательной коннотацией.

В моделировании положительного образа человека — человека с умом, сообразительного, интеллектуально развитого — употребляются только пословицы и поговорки, тогда как для характеристики глупого человека употребляются и пословицы, и фразеологические средства казахского языка.

В результате выборки и анализа фактического материала было выявлено семь фразеологических выражений, более шестидесяти пословиц и поговорок о глупом человеке. Анализу подверглись Фразеологический словарь С.Кенесбаева (2007), Казахско-русский фразеологический словарь под ред. А.С.Аманжолова (1988), сборники казахских пословиц и поговорок (Г.Тайжановой, 1998; М.Аккозина, 2000).

Из семи указанных устойчивых выражений *четыре* являются лексическими вариантами одного фразеологизма **есектің миын жегенсің бе?** (букв.: ты что, съел *ишачий* мозг?) '*ақылын орнында ма, ақымақсын ба? есің дұрыс па?*', переводимого как '*обезумел, одурел*'. Имеется в виду, что кто-то действует неразумно, делает нелепые, глупые, дурные поступки, что вызывает у окружающих недоумение «Все ли в порядке с головой? В своем ли уме? Вы обезумели?»; либо говорится в ответ на неодобрительное отношение к себе как неразумному, в форме оправдания, утверждения, отрицания «не думайте, что я обезумел», «не думаете ли вы, что я обезумел, бестолков», «я не бестолков, чтобы не понять этого» и т.д. Обычно говорится с неодобрением. Фразеологизм близок по смыслу русскому **белены объелся** (разг.) '*кто-либо одурел, действует неразумно*'.

Варианты приведенного выше фразеологизма имеют аналогичное интегральное значение и употребляются в форме: **құтырған (жынды) қойдың миын жедің бе?** (букв.: ты что, съел мозги взбесившейся (дурной) *овцы?*); **құтырған иттің құлағын жедің бе?** (букв.: ты что, съел уши дурной *собаки?*); **құтырған қасқырдың көзін ойып жедің бе?** (букв.: ты что, вырезал и съел глаза взбесившегося *волка?*).

Также обнаружен фразеологизм (усеченная форма рассмотренного выше фразеологизма) **есек миын жеген** (букв.: съевший *ишачьи* мозги) означающего '*топас, миы алмайтын адам*', и переводимого как '*о безнадежно глупом человеке*'. Имеется в виду, что кто-то безнадежно глуп, нельзя даже надеяться, что он когда-нибудь станет разумным. Фразеологизм употребляется пренебрежительно. Смысл фразеологизма близок русскому **глуп как пробка** '*очень, до крайности глуп*', синонимом которого выступает **глуп как сивый мерин** '*абсолютно, безнадежно глуп*'.

В приведенных выше фразеологизмах негативная оценка умственных способностей человека моделируется как на основе употребления зооморфных образов, так и через соотнесение с гастрономическим кодом культуры: человек, съевший негодные для употребления в пищу *мозги*,

уши, глаза глупого (осла), дурного и взбесившегося (овца, собака, волк) животного или зверя, отождествляется с метафорическим образом *съеденной глупости, нечисти*, в результате чего человек становится подобным этим глупым, дурным, взбесившимся животным. Так, *глупость* «приобретается» человеком в виде нечистой, негодной пищи, которую не следовало есть. Здесь не имеем в виду *мозги, уши и глаза*, поскольку они употребляются в пищу и имеют определенный культурный смысл в гастрономии казахов: *уши* дают детям, чтобы были послушными; *глаза* — взрослым, чтобы присматривали и опекали детей и внуков; *мозги* — детям и молодым людям, чтобы скорее набрались ума, стали взрослее. Мы обращаем внимание на то, что эти мозги, уши и глаза взбесившейся *овцы, осла, собаки, волка*, которых, кроме *овцы*, казахи никогда не употребляют в пищу и считают их нечистыми. Сравните, в гастрономической культуре казахов существует понятие *адал сойылган мал*, т.е. животное, которого забили для употребления в пищу, является совершенно чистым (здесь ассоциируется с понятиями *здоровое, хорошее, пригодное*). Под понятием *адал* в значении *‘чистое, пригодное для употребления в пищу мясо’* понимается, что животное было забито с соблюдением всех ритуальных обычаев, специально для употребления в пищу, и не было подвергнуто болезни, падежу до того, как его забили. Казахи никогда не употребляли мясо больного животного (тем более взбесившегося), наоборот, прежде чем его забить, они устанавливали хороший уход, откармливали его и т.д.; этот обычай существует и в наши дни.

Относительно зооморфных образов — *овцы, осла, собаки* — можно отметить следующее: каждый из них представляет собой определенный национально-культурный феномен, репрезентирующий представления, восприятия, символы, эталоны культурного пространства казахов. Так, *овца* является положительным зооморфным образом в картине мира казахов, она символизирует стереотипный образ очень тихого, смиренного, кроткого, послушного, робкого, скромного человека (близко к русскому образу *человека*, который *и мухи не обидит*). *Овца* не является типичным персонажем в народном фольклоре, например, в сравнении с образом *осла*. К образу *овцы* обращаются в основном при положительной характеристике людей, животных, жизни (существования человека), а именно при описании: 1) внешности человека: *қой мойын (мойынды)* — *қойдың мойындай әдемі мойын* в значении *шея красивая как у овцы*; *қой көз* — *красивые, большие карие глаза*; *қой тіс (тісті)* — *исключительно мелкие зубы*; 2) покорности лошади: *қой торы* — *покорная, смиренная, ленивого хода лошадь*; 3) мирного существования людей: *қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған (ұялаған) заман* — *мирное время, счастливая, безмятежная жизнь, благоденствие*.

В отличие от казахской картины мира в русском культурном пространстве *овца* — *баран (овен)* — является постоянным персонажем в детской литературе; в религиозной традиции часто выступает как жертвенное животное (аналогично и в казахской); в Библейских текстах соотносится с *овцой*. В русском представлении *баран* крайне глупое, покорное, безропотно подчиняющееся судьбе, но и отличающееся «тупым» упрямством животное. *Баран* ассоциируется с образом очень глупого, «тупого», упрямого человека (например: *ну и баран же ты!, тупой как баран*), что не было характерным мировидением казахов. Так, в русской интеллектуальной концептосфере обнаружено употребление устойчивого выражения *как баран на новые ворота (смотреть)* *‘в полном недоумении, не понимая’*. Кроме того, русские используют образ *барана* при описании покорного судьбе человека, а также внешности человека, ср.: *человек с очень кудрявыми волосами*.

Осел — это распространенный персонаж казахского фольклора. Образ осла ассоциируют с образом очень глупого, безмозглого, крайне тупого человека.

Собака не является типичным персонажем казахского фольклора, однако входит в число казахских мифологических образов. В традиционном миропонимании казахов *собака* — одно из семи достояний (*жеті қазынаның бірі*). Однако к образу *собаки* обычно обращаются при характеристике: подлеца, негодяя, проклятого, а также — бестолочи, недотепы, бестолкового человека.

В отличие от казахов русские моделируют образ умного или глупого человека не только через зооморфные образы домашних животных, но и образы *диких животных, зверей, птиц и земноводных*. Так, например, выражение *старый волк* характеризует образ *опытного, много знающего, много испытавшего* человека; *стреляный (старый) воробей* — *очень опытный человек*; *доходит, как до жирафа* — *медленно думает, плохо понимает, тугодум*; *червяк (червь)* — *интеллектуально и духовно убогий человек* или *книжный червь* — *человек умственного труда*.

Наряду с зооморфными образами домашних животных в репрезентации умственных способностей в современной речи казахов встречается устойчивое выражение *тауықтың миындай ми жоқ (басында)* (букв.: *в голове*) *нет мозгов даже как у курицы*) *‘ақылы қысқа, тапшы; ойсыз, ойға жоқ адам’* в значении *‘человек небольшого ума, не отличающийся рассудительностью; тугодум’*.

Подразумевается, что *кто-то недостаточно умен, крайне несообразителен, чтобы дойти своей головой, самостоятельно решить что-либо, додуматься до чего-либо* и т.д. Выражение употребляется обычно с презрительностью. Данное выражение близко по смыслу русскому фразеологизму *цыплячьи (куриные) мозги* (прост.) *‘о человеке небольшого ума, ограниченных умственных способностей’*. Ср.: *курица* ассоциируется с отсутствием умственных способностей по своим особенностям птицы, которая не способна летать [4; 289].

В казахском языковом сознании *курица* не является типичным стереотипным образом, а также в гастрономической культуре казахов любая птица и дичь не считались пригодными в пищу; здесь не идет речь о качестве мяса птицы или дичи, наоборот, у казахов сформировано жалостное, трепетное, даже сакральное отношение к ним, например: казахи никогда не стреляли в лебедя (она считается святой птицей, застреливший ее человек наводит на себя большой грех, несчастье, горе); в отношении курицы: она не может дать много мяса (ср.: если один баран забивался только для одного приема гостей), ею не накормишь всю семью (казахи жили большой семьей), она не считалась выносливой при кочевом образе жизни; в силу этого казахи не разводили и не держали домашних птиц. Это пришло к ним позже, при оседлом образе жизни, в результате близких культурных контактов с русскими, заимствования элементов русской гастрономии и т.д. Взгляды современных казахов на *курицу* несколько изменились, поскольку многие, предпочитая легкую пищу, употребляют птицу.

Наряду с этим в казахском языковом сознании обнаруживаем образ самца *курицы* — *петуха (қораз)*, который выступает как стереотипный образ самолюбивого, гордого, хвастливого человека, т.е. соотносится с метафорическим образом домашней птицы — важного хозяина курятника, с красивыми перьями, гребнем и т.д.

Таким образом, наше исследование показало этнокультурную специфику концептуализации интеллектуальной сферы человека, которая осуществляется на основе включения зооморфных образов. Мы попытались выявить наиболее типичные зооморфные образы, участвующие в моделировании интеллектуальной концептосферы казахов и русских. Следующим этапом данного исследования является разработка лингвокультурологического словаря, который позволит расширить предмет и границы сопоставительных фразеологических исследований и лингвокогнитологии в контексте развития казахстанской науки о языке.

Список литературы

- 1 Караулов Ю.Н. «Осознание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. ст. / ИЯ РАН. — Калуга: КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2005. — С. 178.
- 2 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
- 3 Қазақтың көне тарихы. — Алматы: Жалын, 1993. — 400 б.
- 4 Антология концептов. Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — 352 с.

Словари

- 1 Аккозин М. Казахские пословицы и поговорки. — Алматы, 2000. — 212 с.
- 2 Большой фразеологический словарь русского языка. — М., 2006. — 784 с.
- 3 Казахско-русский словарь. — Алматы, 2008. — 962 с.
- 4 Казахские пословицы и поговорки / Сост.: Г.Тайжанова. — Алматы: Ана тілі, 1998. — 160 с.
- 5 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. — Алматы, 2008. — 968 б.
- 6 Кеңесбаев І.К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. — Алматы, 2007. — 800 с.
- 7 Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 2005. — 1200 с.
- 8 Фразеологический словарь русского языка. — СПб., 2006. — 608 с.
- 9 Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. — М., 2006. — 894 с.

А.К.Мырзашова

Қазақ және орыс интеллектуалдық концептосферасының зооморфтiк сипаттары

Мақала адамның ақыл-ой концептосферасын бейнелеуде қолданылатын зооморфтiк образдарды талдауға арналған. Зооморфтiк образдардың этномәдени ерекшелiктерi лингвокогнитологиялық зерттеу арқылы айқындалады.

А.К. Myrzashova

Zoomorphic signs of intellectual conceptive sphere of Kazakh and Russian people

The article is called «Zoomorphic signs of intellectual conceptive sphere of the Kazakh and Russian people». The work is devoted to the analysis of zoomorphic images, taking part in representing the intellectual conceptive sphere of a man.

УДК 811.161.1 42

Ж.К.Киынова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

Комментирование как способ экспликации культурно-исторической информации

Статья посвящена проблемам комментирования архаизмов и славянизмов. Рассмотрены разные виды комментариев, приведенные в классических литературных произведениях, и выявлена современная необходимость в них. Приведены примеры, выявляющие значение языковых единиц.

Ключевые слова: комментарий, комментирование, экспликация, культурно-историческая информация, глоссы, архаизмы, историзмы, художественный текст, глоссарий.

Комментирование малопонятных и непонятных слов имеет давнюю традицию. Еще в памятниках древней письменности встречаются различные толкования слов, которые в исторической науке принято называть глоссами. Так, в своей монографии «Глоссы как феномен текста» Н.Ж.Шаймерденова пишет, что наиболее целесообразно употребление термина «глоссы» для обозначения толкований неизвестных, малопонятных или непонятных слов и выражений, написанных на полях, между строк или внутри текста древних рукописей и старопечатных книг» [1; 15]. Такие пояснения служили для раскрытия семантики слов и представляли собой ценный материал для исторической лексикологии и лексикографии. Позже, начиная с XVIII в., в качестве семантизации лексических единиц стали широко использоваться комментарии. При этом комментатор, в отличие от писцов, переписчиков и переводчиков, руководствовавшихся собственным языковым чутьем (первые словари в виде Азбуковников появляются лишь в XVI в.), мог ссылаться на авторитет лексикографических источников и привести обстоятельный комментарий непонятных слов.

Образцами элементарного лингвистического комментария (например, при объяснительном чтении) являются семантизация и толкование непонятных слов. Как правило, это краткая справка, источниками которой являются разного рода энциклопедии, справочники и толковые словари. Глоссарий (от греч. glossa — устарелое или малоупотребительное слово) — словарь к какому-либо тексту, объясняющий малоизвестные или устарелые слова. Примером такого комментария служит глоссарий к собранию сочинений А.С.Пушкина, составленный В.В.Виноградовым. Лингвистический анализ художественного текста в вузе предполагает более развернутый и подробный культурно-исторический комментарий. При этом комментарии могут быть как авторскими (внутритекстовые примечания), так и издательскими.

Лингвистическое изучение художественного текста всегда было в поле зрения исследователей и преподавателей-практиков. Так, у истоков лингвистического анализа художественных текстов стояли Л.В.Щерба, А.М.Пешковский, В.В.Виноградов, обосновавшие науку о языке художественной литера-